
УДК 141.7
ББК 87.6
Ф 33

А.П. Федоровский,

доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Северо-Кавказский социальный институт», тел. 89624039835

**Историческое сознание:
особенности формирования и объективации
(Рецензирована)**

Аннотация. В статье анализируется содержание исторического сознания в контексте его влияния на социальную практику. Автор ставит своей целью обнаружить возможности преодоления aberrаций исторической памяти, актуализации тех ее компонентов, которые способны обеспечить поступательное развитие общества на основе исторически апробированных социокультурных моделей.

Ключевые слова: историческое сознание, социальная практика, aberrации исторической памяти, манипуляции историческим сознанием, темпоральность, историческая рефлексия, конкретно-историческая эмпирия, национальная идея, исторические мифологемы.

A.P. Fedorovsky,

Doctor of Philosophy, Professor, Vice Rector for science and public relations, Nonstate Educational Institution of Higher Professional Training "Social Institute of the North Caucasus", ph. 89624039835

**Historical consciousness:
features of formation and objectivation**

Abstract. An analysis is made of the content of historical consciousness in a context of its influence on social practice. The purpose of this paper is to find out opportunities of overcoming aberrations of historical memory and to actualize those components which are capable to provide forward development of a society on the basis of historically approved sociocultural models.

Keywords: historical consciousness, social practice, aberrations of historical memory, manipulation with historical consciousness, temporality, a historical reflection, concrete historical empirism, national idea, historical mythologemes.

Не вызывает сомнений тот факт, что человек не может по своей воле выбирать общество или культуру, в которой он рождён. Это то, что социология называет предписанными факторами. Люди рождаются и социализируются в исторически сформировавшихся социальных условиях, интегрируются в существующую институциональную систему, чьё бытие воспринимается ими как должное. В этом смысле социум является продуктом истории. Он формируется в ходе исторического про-

цесса, продуцирующего социальную онтологию, включающую ценностную систему, поведенческие модели, деятельностные ориентиры, убеждения и предубеждения. Таким образом, история является судьбой, а не предметом свободного выбора.

Само по себе историческое сознание есть результат поливариантного влияния самых разнообразных детерминант в их взаимодействии. Стоит прислушаться к словам Л. Февра, заявившего о невозможности редуцировать чело-

веческое сознание к простой формуле. «Человек, — пишет историк, — продукт и следствие тысяч и тысяч союзов, смешений, сплавов различных рас и кровей» [1]. Возможность общественного самосознания оптимальным образом реагировать на социальную трансформацию и возникновение новых реалий, подвергать анализу сущность, масштабы и значимость происходящих изменений, а соответственно объективно оценивать глубину и остроту создаваемых данными изменениями проблем, а также возможности и пути их решения в определяющей степени зависят от состояния, содержания и степени развитости исторического сознания и чувства исторической темпоральности. Речь идёт об умении аналитически подходить к историческому процессу, видеть его сложность и многомерность, чувствовать диалектику дискретности и континуальности (взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего).

Исследование самых разнообразных форм социальной энтропии позволяет видеть их причину в неразвитости исторического сознания, порождающего ошибочные оценки и действия.

Если попытаться конкретизировать факт деформации исторического сознания, то таковой может проявляться в недифференцируемости ситуации прошлого и актуально существующего. Мы имеем в виду неразвитость навыков анализа различных исторических ситуаций, понимания их сущностных характеристик, качественных сдвигов и изменений, внутренних противоречий и разнонаправленных тенденций.

Аберрации исторического сознания репрезентированы как модернизированным восприятием прошлого, так и архаизацией настоящего: прошлое экстраполируется в настоящее, а настоящее в прошлое. При этом оценка актуально существующего неизбежно оказывается искажённой в силу подмены аналитического эмоциональным отношением к истории.

Впрочем, присутствие чётко выраженного ценностного знака, закреплённого в историческом сознании, имеет безусловное социально-диагностическое

значение. Он определяется, прежде всего, сегодняшним самочувствием социума, наличным состоянием субъекта, его эмоциями и переживаниями. Совершенно неслучайно П. Рикёр вводит понятие «справедливая память», то есть память о моральных императивах, направляющих процесс объективации справедливости в обществе. Тем самым социальная практика перемещается из сферы сущего, подчинённого законам обстоятельств и внешних условий, в сферу должного, где мыслящий субъект, преодолевая препятствия, обретает свою идентичность. Рикёровская «справедливая память» наряду с другими видами памяти формирует содержание исторического сознания. «Например, XX век особенно отягощён памятью насилия и страдания, и этот опыт трудно выразить адекватным образом. Одной из задач истории является открытие новых перспектив рассмотрения проблем и событий» [2]. Тем самым доминанта «справедливой памяти» в историческом сознании расширяет сферу ориентиров и оценок. Практикологический аспект исторического сознания состоит в возможности более объективного анализа исторических событий, общественных устройств, деятельности субъектов в истории.

В свою очередь, недостатком артикулированной эмоциональности исторического сознания может быть ослабленный иммунитет против разнообразных манипулятивных действий, предполагающих и идеологически тенденциозную интерпретацию истории. Историческому сознанию «навязывается» так называемая «дозволенная история» (П. Рикёр), институционально одобренное принудительное запоминание, осуществляемое в рамках мемориальных церемоний, ведущих к достижению искомой конвенциональности.

Одновременно, манипуляции историческим сознанием (злоупотребление памятью), выражающиеся в особом ритуализме и мифотворчестве, усиливают склонность к резким маятникообразным колебаниям в отношении общества к самому себе, к своему прошлому и настоящему, создают для них допол-

нительные возможности. При этом резкость, нервозность и даже истеричность колебаний массового сознания могут быть тем выше, чем ниже развитость чувства истории. Напротив, спокойная и непредвзятая историческая рефлексия позволяет извлекать из истории уроки, а значит, противостоять фрустрациям, импульсивным зигзагам и перепадам общественных настроений.

Одним из объективированных проявлений исторического сознания является традиция, тесно связанная с памятью и представленная в различных модусах ритуализма. Традицию Гидденс рассматривает как формульное понятие истины, имеющее собственных агентов. В отличие от привычки, традиция наделена обязывающей и моральной принудительностью. Интегрированность традиции в общество есть результат интерпретативных актов, формирующих связку настоящего с прошлым. Коллективная память является активным социальным процессом постоянного воспроизводства образов прошлого, обеспечивающим непрерывность исторического опыта. «Формульная истина», по Гидденсу, основана на референциальных и перформативных свойствах языка, содержащего слова, стимулирующие практические действия, которые объект и субъект речи могут и не понимать, но которые обладают каузальной действенностью. Однако «формульная истина» доступна лишь интеллектуальной элите, чьи границы в посттрадиционном обществе отличаются повышенной мобильностью. Значение традиции состоит в её аффективной насыщенности, обеспечивающей социуму чувство онтологической гарантированности.

Если исходить из того, что философия и теоретическая история продолжают сохранять для современной социальной теории значение методологии человеческого праксиса, то можно сделать вывод о деформировании последнего в случае отождествления прошлого и настоящего. Будущее в этом случае оказывается проекцией прошлого или настоящего в зависимости от характера акцентуации. Как модерни-

зация прошлого, так и архаическая интерпретация настоящего конституируют параметры будущего, оптимизм или пессимизм в его отношении, исходя не из анализа реальных альтернатив, генерируемых объективным динамизмом истории, а наличием сегодняшних эмоций, фобий или стереотипов, становящихся предметом необоснованных спекуляций.

Ущербность исторического сознания может реализовываться и иным способом, чем тот, что был описан выше. В этом случае историческое сознание абсолютизирует не концептуальную темпоральность, а дискретность, разорванность исторического процесса. Это ведёт к игнорированию реальной предметности прошлого, настоящего и будущего, диалектической связи исторических эпох и ситуаций. Возникает искушение каждый новый этап истории эмансипировать от предыдущего ему, рассматривать таковой в качестве освобождённого от груза прошлого, видеть в нём *tabula rasa*, который позволительно произвольно заполнить.

Реальная опасность подобных представлений заключается в потере чувства исторического времени, в появлении иллюзии абсолютной свободы от созданных историей объективных предпосылок, императивов и требований, воплощающих в себе исторически неотвратимое, не зависящее от человеческих воли и сознания. Подобного рода социальная иллюзорность препятствует развитию исторической саморефлексии и способности извлекать уроки из непредвзятого анализа истории. Эта иллюзорность является благодатной почвой субъективизма и волюнтаристских начинаний. На этом методологическом фундаменте человек неизбежно рассматривается как до-социальное (внеисторическое) и как абсолютно сформированное существо, способное оценивать возможности и осуществлять социальный выбор словно бы с позиций внешнего наблюдателя. Однако недовольство существующими социальными реалиями не позволяет переступить через границу исторически заданного путём его полного игнорирования. Те или иные

составляющие исторического сознания могут приобретать инструментальные характеристики для решения частных вопросов в рамках установленной социальной структуры, но они в любом случае лишены фундаментальной амбивалентности. Нельзя, не рискуя, попасть в эвристический тупик, рассматривать историческое сознание как средство произвольного выбора социальной системы или системы ценностей в целом. Исторически обусловленное существует независимо от нашего выбора, хотя и не исключает ситуаций, позволяющих абстрагироваться от них при решении частных вопросов. На невозможность достижения полной свободы в области принятия фундаментальных решений очень убедительно указал Э. Геллнер, руководствуясь при этом исключительно формально-логическими соображениями. «Дело не в том, что с этим методом труднее решать «большие» вопросы, а в том, что к ним вообще бессмысленно подходить с этих позиций. Если культура ориентирует нашу личность, то кто же должен выбирать культуру? Ведь пока культура не выбрана, нет ещё ни личности, ни мировоззрения, ни системы ценностей, необходимых для того, чтобы осуществить этот выбор» [3].

Сама возможность принятия решения обусловлена тем, что между субъектами социума уже существует исторически обусловленный консенсус. То есть исторически заданное всё же предшествует коллективному волеизъявлению, а не возникает как его следствие. Оно первично уже в силу того, что история ранее сформировала структуру нового общества и наделила его членов необходимыми волевыми качествами и представлениями.

Упрощённое понимание природы социальной практики «освобождает» ее от исторической детерминации и пытается придать ей произвольный характер. Но в действительности есть все основания усомниться, что это так. Человеческий активизм имеет глубокие корни в его собственной природе и социальной ретроспективе. Чтобы человеческие сообщества были жизне-

способными, в них должна существовать система социальных отношений, прошедшая безусловную историческую апробацию.

Социальная теория, оперирующая отвлечёнными категориями, абстрагированными от конкретных исторически заданных условий, обречена на банкротство. Соответственно и лоббирование «исторически фиктивной» социальной программы оказывается бесперспективным, поскольку для тех, кому она предназначена, таковая не будет иметь никакого практического смысла. Точно так же и социально-философская рефлексия должна не манипулировать пустыми абстракциями, а иметь дело с чем-либо гораздо более реальным. Так, например, абстрактная модель берёт один конкретный тип человека и рассматривает его как человека вообще. При этом вначале прилагается абстрактное обоснование, которое объявляется универсальным, а затем следует констатация того, что, к сожалению, универсальный проект неприемлем. Очевидно, что любая реалистическая программа предполагает совершенно определённые условия для её включения в жизнь. Данные условия нельзя считать само собой разумеющимися, важен тот исторический контекст, который вызывает их к жизни. Исследователю, делающему предметом специального внимания историческое самосознание, механизмы его формирования и эволюции, неизбежно приходится использовать два различных, но самым тесным образом взаимосвязанных между собой уровня анализа. Во-первых, это ситуационный анализ, то есть анализ реакции, вызванный той или иной исторической ситуацией. Во-вторых, анализ тех традиций, которые характеризуют специфику общества, его совокупный исторический опыт.

Историческое сознание имманентно определённому человеческому материалу. Это может быть как моно, так и полиэтническое образование. Следует также учитывать интенсивность трансэтнического взаимодействия, в результате которого происходит изменение традиций, культур и исторических су-

деб. В этом случае, если вышеуказанная интенсивность достаточно велика, то любое управленческое решение должно учитывать факторы взаимной притирки и приспособления к новым социальным условиям, в процессе спонтанной и одновременно целенаправленно организуемой ассимиляции. В этом смысле историческое сознание определяется борьбой чувств, привычек, личностных структур, что, в конечном итоге, создает условия для его мобильности. Последнее имеет принципиальное значение с точки зрения необходимости преодоления возникающих проблем, когда в общественном сознании появляется стремление начать историю «с новой страницы», осуществить кардинальный разрыв с прошлым, объявленным предысторией.

В центре исторического сознания этноса расположена так называемая «национальная идея», которую прямо или косвенно следует учитывать в процессе социальной практики. Именно содержание национальной идеи определяет поведенческие модели и национальный характер. Разумеется, под национальной идеей нельзя понимать эксплицитную завершенную и внутренне не противоречивую теоретическую конструкцию или четкий набор ментальных характеристик. Исследователи исторического сознания расходятся, подчас весьма существенно, в определении параметров данного феномена, видя в нём либо совокупное представление об идеальном будущем, либо выражение коллективных надежд, либо совокупность иллюзий. Тем не менее, несмотря на всю свою противоречивость и парадоксальность, национальная идея все-таки существует как мечта, факт сознания, факт культуры, оказывающий влияние на материальную жизнь общества.

Думается, что правильнее всего было бы понимать под национальной идеей некую метафору с размытыми границами и неопределенным объемом. Речь идет о комплексе оптимистических представлений в отношении конкретного социума и его позитивных перспектив. Ядро этого комплекса со-

ставляют идеальные конструкции, зачастую являющиеся набором мифологем. Впрочем, мифологемы национальной идеи вырастают из реального исторического процесса, порождаются реакцией на его сложность и противоречивость. И уж, конечно, мифологема отнюдь не является результатом игры индивидуального воображения, хотя оно и служит важной предпосылкой социального мифотворчества.

Помимо реализации интегративной функции, национальная идея объективируется и в практике социального управления. Будучи элементом культуры, усваиваемой в процессе социализации, она влияет на формирование перцепций и установок у тех, кто определяет и осуществляет управленческие функции. Таким образом, позиция государственных деятелей, озвученная в их выступлениях, должна рассматриваться не как простая риторика, за которой не стоит никаких убеждений, но как дань императивам исторического сознания.

Вообще надо заметить, что мифологизация исторического сознания и проникновение теоретических, логических элементов в мифотворчество, бытующее на уровне обыденного сознания, имеют в настоящее время широкое распространение, что свидетельствует об усложнении общества, его принципиальной невозможности быть редуцированным к простым схемам. Тем не менее очевидна необходимость постоянной модернизации исторического сознания, формирования новой социальной психологии, адекватной современным тенденциям, что невозможно без вытеснения стереотипов, ориентирующих на деструктивные действия, способствующие нарастанию энтропии. Это длительный и непростой процесс. Он может явиться результатом не столько чистой саморефлексии, сколько естественным итогом переживания болезненного исторического опыта, переосмыслением допущенных ошибок.

Считаем важным отметить необходимость осознанных институциональных усилий в процессе демифологизации исторического сознания. Хотя

данный процесс и носит преимущественно естественно-исторический характер, он может быть ускорен активностью средств массовой информации, научного сообщества, правительственных организаций, социальных технологий и т.п.

Умаление роли исторического сознания способно вызвать к жизни опасную иллюзию равноценности всех возможных цивилизационных альтернатив, их относительности и условности. Как бы ни были влиятельны процессы глобализации и радикальной

детрадиционализации, содержание исторического сознания продолжает сохранять не только свой детерминирующий потенциал, но и свою функциональность. Любые попытки освободиться от «оков прошлого» в принципе авантюристичны, равно как и попытки затормозить или ускорить ход истории. Не меньшую опасность представляют и ошибочное восприятие исторического процесса, связанное с наделением последнего утопическими чертами, рассмотрение такового в модусе провиденциализма или волюнтаризма.

Примечания:

1. Февр Л. Бой за историю. Сретенск, 2000. С. 31.
2. Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 9.
3. Геллнер Э. Условия свободы. М., 1995. С. 191.

References:

1. Fevr L. Battles for history. Sretensk, 2000. P. 31.
2. Riker P. Memory, history, oblivion. M., 2004. P. 9.
3. Gellner E. Conditions of liberty. M., 1995. P. 191